

А я тем временем сдам на почту оплаченный марками и хорошо упакованный пакет с этой первой партией, которую хочу предварить этим письмом с моей благодарностью и добрыми пожеланиями.

P. S. Сейчас, собрав Ваши хартии, я обнаружил и некоторые другие, которые забыл включить в перечень: например, императорское письмо Карла IV [1316—1378], короля Богемии и Польши, от 30 августа 23-го года его пребывания на королевском престоле и 14-го года на императорском, которым он предоставляет тысячу флоринов своему викарию Лодовико Гонзага. И некоторые документы также 1100 года.

Résumé

La collezione 6 «Venezia ed il Veneto» rappresenta una raccolta unica delle fonti interessantissime della storia di Venezia, del notariato veneto, della diplomatica e della sigillografia veneta. Il valore storico e culturale della collezione si trova nella possibilità di immaginarsi la vita dei veneziani nel corso di sei secoli della splendida storia della città lagunare, i tratti particolari e tipici della vita sociale, politica, economica e culturale in epoche diverse della sua esistenza. È importante metter in chiaro la provenienza del questo tesoro così raro a fuori di Venezia cui la maggior parte è stata acquistata alla città lagunare. Molti pergamene veneti N. Likhatcev ha comprato nell'anno 1901 dal Gabriele Fantoni, notaio, collezionista e scrittore, come segue dalle lettere del quest'ultimo da Venezia a San Pietroburgo l'intero testo dei quali sono pubblicati in Appendice.

А. А. НОВИКОВ

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ В «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» В. Н. ТАТИЩЕВА

Наиболее важным и существенным вопросом относительно источников «Истории Российской» В. Н. Татищева вплоть до настоящего времени вполне оправданно был и остается вопрос о древнерусских источниках его работы.¹ На этом фоне византийские источники, использовавшиеся В. Н. Татищевым, практически не привлекали к себе внимания исследователей. Так, А. Т. Николаева лишь вскользь упоминает о Прокопии Кесарийском и Константине Багрянородном,² а И. В. Валкина просто перечисляет имена некоторых византийских историков и писателей — Георгия Кодина, Прокопия Кесарийского, Иоанна Кантакузина, Георгия Пахимера, Леонтия Византийского, Анны Комниной, Никиты Хониата, Евтропия, Аммиана Марцелина, Козьмы Индикоплова, причем этот перечень далеко не полный.³ М. А. Алпатов также обошел стороной этот вопрос, хотя и посвятил один раздел античным писателям, чьи сочинения использовал В. Н. Татищев, упомянув среди них и Константина Багрянородного.⁴ Однако для создания целостной картины творчества В. Н. Татищева, на наш взгляд, необходимо рассмотреть и византийские источники «Истории Российской», принципы их отбора, методы и приемы работы с ними автора.

По материалам библиотеки В. Н. Татищева и его собственным упоминаниям можно выявить круг используемых им византийских источников. В татищевской библиотеке имелся

¹ Добружин Е. М. К вопросу о притоке сообщений «Истории Российской» В. Н. Татищева // Исторические записки. М., 1976. Т. 97. С. 200—201.

² Николаева А. Т. Некоторые вопросы источниковедения в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Труды Государственного историко-архивного института. 1963. Т. 17. С. 355—356, 363.

³ Валкина И. В. К вопросу об источниках Татищева // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры // Сборник «XVIII век». М.; Л., 1966. С. 74.

⁴ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII—первая четверть XVIII века). М., 1976. С. 400—401.

«Хронограф письменный до 1613», переведенный на русский с греческого языка без указания автора и времени создания.⁵ Другие византийские источники он использовал в немецких, польских, русских переводах, брал из работ современных ему ученых, хотя к их переводу подходил критически, отдавал себе отчет в неизбежном искажении исторической картины при использовании перевода. Преимущественно для этой цели В. Н. Татищев привлекал издания с универсальным содержанием.⁶

Основную сложность для В. Н. Татищева представляло незнание или плохое знание древнегреческого, латинского, французского, английского и восточных языков. В. Н. Татищев свободно владел немецким и польским, но переводы древних авторов на эти языки его не удовлетворяли. Он отмечал тенденциозность польских и немецких историков и переводчиков, их сознательное — «любочестия ради» — и бессознательное — «от недостатка знаний» — искажение событий, имен, названий. Недовольство В. Н. Татищева вызывало отсутствие в их работах именных указателей. Значительно выше русский историк оценивает английских и особенно французских переводчиков, издателей и ученых. В. Н. Татищев сокрушался, что из-за незнания языка не может ознакомиться с их переводами, комментариями, научным аппаратом.⁷ Однако стоит отметить, что он сам проверял верность перевода с латинского на русский язык (правка перевода работ Г. З. Байера, пометки в тексте «Chronica Slavogum Helmoldi».)⁸ В. Н. Татищев вполне адекватно оценивает историографию того времени, отдавая предпочтение французам, достаточно вспомнить деятельность Ш. Дюканжа, Ф. Лаббе, Б. Монфокона, Ж. Мабильона и др.⁹

Теперь рассмотрим на конкретных материалах «Историю Российской» круг и способ использования византийских источников, которые весьма широко представлены у В. Н. Татищева.

Аммиан Марцелин. В. Н. Татищев пользовался изданием и комментариями к его «Res gestae» французских историков и издателей древних манускриптов Вальсия Адриана (Valesius Adrianus, 1607—1692 гг.) и Вальсия Генриха (Valesius Henricus, 1603—1676 гг.), иногда ссылаются на Аммиана через работу Ф. Бриэ.¹⁰

⁵ Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1861. С. 58.

⁶ Чаще всего византийские источники В. Н. Татищев извлекал из сочинений Г. З. Байера, опубликованных в «Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae», и из лексикона: *Baldens I. F. Allgemeines Historisches Lexicon*. Leipzig, 1730—1732. Т. I—IV; *Vorsetzung des allgemeinen historischen Lexici*. Leipzig, T. I—II; *Martiner A. A. B. de la. Le Grand Dictionnaire géographique et critique*. La Haye, 1726—1739. Vol. 10. (В. Н. Татищев пользовался немецким переводом этого издания).

⁷ Татищев В. Н. История Российская. Ч. I // Собрание сочинений в восьми томах. М., 1994. Т. 1. С. 90.

⁸ Птолом II. Ученые и литературные труды В. Н. Татищева (1688—1750). СПб., 1886. С. 6.

⁹ Курбатова Г. Л. История Византии (историография). Л., 1975. С. 28—29.

¹⁰ Briet Ph. *Parallela geographiae veteris et novae*. Parisiis, 1648—1649; *Theatrum geographicum Europae veteris*. Parisiis, 1653.

Из «Res gestae», богатой описаниями народов юго-восточной и центральной Европы, В. Н. Татищев извлекает сведения этнографического и топографического характера (например, расположение агафиров близ Каргополя и Вологды),¹¹ о внешней торговле.

Андроник II Старший Палеолог написал «Expositio quem locum nunc teneant Metropoles quae throno constantinopolitano subiectae sunt». Из его «Росписи епархий» берутся сведения географического (степень 81 упоминает пограничный город Лидбод, под которым В. Н. Татищев понимает Белую Вежу),¹² историко-церковного характера (перенос русской митрополии из 60-й в 72-ю степень, что объясняется В. Н. Татищевым как следствие увеличения их числа и повышения значения).¹³

Анна Комнина (у В. Н. Татищева «Анна Комнена»). Ее «Алексиаду» (Annae Comnenae Alexias cum versione, glossis et notis. Parisiis, 1651) издал французский иезуит Петр Поссин (Possinus Petrus, 1590—конец XVII в.). В основном здесь берутся сведения о внешнеэкономических связях (Индия, Центральная Азия), по этнографии, географии, политической истории Византии и ее соседей.

Василий I Македонянин. В. Н. Татищев говорит, что он слышал от безымянного «ученого грека» об исторической книге, написанной Василием I Македонянином «славянским языком», и что она и сейчас хранится у патриарха (Константинопольского). Это сообщение В. Н. Татищев ставит под сомнение, так как никто другой об этом не знает.¹⁴ И действительно, подобной книги не существовало, хотя автору было бы выгодно с ее помощью подкрепить свой тезис о наличии письменности у славян до Владимира и принятия христианства, что лишний раз доказывает его добросовестность как исследователя.

Георгий Амартол. В. Н. Татищев использовал его данные из весьма популярной на Руси «Хроники» для уточнения происхождения первых русских князей.

Георгий Кодин («Исторические описания») привлекается в связи с его данными о варягах и других народах.

Григорий Малатинский. Имеется энциклопедическое использование его перечисления северных стран и Руси.¹⁵

Григорий Назианзин (Богослов). В. Н. Татищев обращался к речам Григория. В его библиотеке имелось киевское издание 1658 г.,¹⁶ он использовал сведения этнографического, церковного характера. Заметим, что в отношении Григория В. Н. Татищев еще находится во власти старой традиции, для которой его труды не только, да и не столько исторический источник, сколько священный текст.¹⁷

¹¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. I. С. 148.

¹² Там же. С. 328.

¹³ Там же. С. 379.

¹⁴ Там же. С. 344.

¹⁵ Там же. С. 299.

¹⁶ Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1861.

¹⁷ Татищев В. Н. История Российская. Ч. I. С. 175.

Георгий Пахимер (скорее всего, из его «Истории») дает некоторые этнографические сведения.

Дорофей Тирский. Для В. Н. Татищева представляли определенный интерес его сведения о епископиях IV в. и раннем христианстве.

Евсевий Кесарийский (Памфил). В. Н. Татищев использовал его «Церковную историю» (*Historia ecclesiastica*), сведения о христианизации славян.

Евстафий Фессалонитский привлек внимание В. Н. Татищева комментариями к античному географу Дионисию Периегету.

Еатроний. «*Eutropii Historiae romanae breviarum ab urbe condita usque ad Valentinianum et Valentem Augustos*» (Parisii, 1728). В. Н. Татищева интересовали сведения этнографического характера.¹⁸

Иоанн Зонара. Из его всемирной хроники «*Epitome historion*», популярной в славянском мире и на Руси, В. Н. Татищев извлекает этнографические, географические сведения, факты из социальной истории Руси, византийско-варяжских, византийско-русских, византийско-болгарских связей.

Зосим («*Historia nova*») привлекает внимание сведениями этнографического характера, написанием названий народов.

Иоанн Златоуст. Фрагментарно В. Н. Татищев использовал сведения этнографического характера, но, как и в случае с Григорием Богословом, для него это прежде всего «отец Церкви».

Иоанн VI Капакулит. Его «История» византийской империи за 1320—1357 гг. содержит данные по византийско-варяжским связям и этнографии.

Иоанн Киннам. В его «*Epitome*» правления Иоанна и Мануила Комнинов за 1118—1176 гг. значительное внимание уделяется их борьбе с окружающими Византию народами (доставили материал преимущественно этнографического характера).

Иоанн Скилица (Куропалат). «Краткое изложение истории» (*Epitome historion*) с 811 по 1081 г. содержит богатые сведения о христианизации болгар, русов, внутренней истории Византии и варваров, этнографии, географии, крещении болгар, византийско-русских связях.

Иоанн Цец в своей стихотворной «Истории» дает некоторые сведения этнографического плана.

Георгий Кедрин. «*Synopsis historion*», или «*Chronicon*», Кедрина является одним из наиболее используемых В. Н. Татищевым сочинений византийских авторов по этнографии, географии, крещению и социальным отношениям у русов, политической истории Византии и ее соседей, византийско-русским, византийско-болгарским связям, природным явлениям.

Козьма Индикоплов. С «Христианской топографией» Козьмы Индикоплова В. Н. Татищев ознакомился через Г. З. Байера и помещает сведения о природных явлениях (полярной ночи).¹⁹

Константин Багрянородный для В. Н. Татищева является самым важным из всех византийских авторов в связи с наличием в его трактате «Об управлении империей» обширных сведений по этнографии, географии, быту и хозяйственной деятельности разных народов, торговли с соседями и Византией, политической истории, об именах и названиях варваров.

В подавляющем большинстве случаев при использовании сведений Константина Багрянородного в других главах В. Н. Татищев отсылает читателя к соответствующему месту в своей 16-й главе. При этом В. Н. Татищев ссылается не на работу Г. З. Байера, откуда он извлекает всю необходимую ему информацию, а непосредственно на Константина.

Лев Грамматик. В. Н. Татищевым из его «Хроники» берутся сведения о византийско-русских отношениях, об именах варваров, природных явлениях.

Леонтий Византийский. Из издания Я. Леунклавия (Ja. Leunclavius) в Базеле 1578 г. В. Н. Татищев берет этнографический материал.

Михаил Глика в «Хронике» упоминает личные имена русов.

Никиета Хонит («Хроника»). В. Н. Татищев использовал сведения о варяжских народах, в том числе и о русских.

Никифор Вриеший («Исторические записки») сообщает сведения этнографического характера.

Никифор Ксанфопул. В. Н. Татищев воспользовался его «Церковной историей» (*Historia ecclesiastica*), сведениями о христианизации славян.

Навел Орозий. «*Historia adversus paganos*» (Lugduni Batavorum, 1738). Привлекается его кн. 1, гл. 15, где говорится об амазонках.²⁰

Прокотий Кесарийский. В. Н. Татищев использовал его «Историю войн императора Юстиниана с персами, вандалами и готами». Географические сведения о крымских городах (Херсонес (Корсунь) находился близ Феодосии),²¹ этнографические данные.

Сuida (Суда) (*Suidas*), греческий лексикон X в. со сведениями самого разнообразного характера благодаря своей универсальности позволил В. Н. Татищеву найти сведения этно-географического плана.

Симеон Логофет («Хроника» 842—948 гг.) интересуется В. Н. Татищевым как источником по исторической этнографии, политической истории.

Феофан Византийский. «*Commentarii de rebus Justiniani imperatoris*» содержат данные по этнографии и географии.

Фотий. В. Н. Татищев использовал письмо патриарха Фотия к патриарху Александрийскому 863 г. о набегах русов.²²

¹⁸ Там же. С. 317.

¹⁹ Там же. С. 171.

²² Татищев В. Н. История Российская. Окончание // Собрание сочинений. М., 1996. Т. 7. С. 53—54.

¹⁸ Там же. С. 134.

¹⁹ Там же. С. 262.

Ямвлих Халкедонский (у В. Н. Татищева «Ямблихий»). Его сочинение о жизни Пифагора было напечатано вместе с жизнеописанием самого Ямвлиха Люд. Кустером в Амстердаме в 1707 г. Эпизодическое привлечение его сведений было связано с историей и этногеографией Северного Причерноморья.

Наиболее часто используемым византийским источником в «Истории Российской», особенно в I-м томе, является сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей». В. Н. Татищев постоянно обращается к нему на протяжении всего тома и периодически возвращается в других местах своей работы. Среди более чем трехсот древних и средневековых авторов по интенсивности использования его превосходят только Геродот, Плиний Старший, Клавдий Птолемей, Страбон, Нестор, Иоаким Повгородский, Матвей Стрыйковский. Подобное предпочтение объясняется самим характером работы Константина Багрянородного, где много внимания уделяется восточным славянам и граничащим с ними народам. С этой точки зрения данное сочинение привлекло внимание В. Н. Татищева и Г. З. Байера. Последний в 1744 г. написал специальную работу о Руси и ее соседях на основании изучения трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей».²³ В. Н. Татищев в несколько сокращенном виде и со своими комментариями, основанными на тщательном изучении древнерусских источников, включил ее в I-й том своей «Истории Российской» в виде отдельной 16-й главы.²⁴ Данный случай является яркой иллюстрацией самой тесной связи в XVIII в. русской и западной историографии.²⁵ В связи с тем значением, которое придавали В. Н. Татищев и Г. З. Байер сведениям Константина Багрянородного, эта глава заслуживает особого внимания.

Взяв за основу сведения трактата «Об управлении империей» и подкрепив их другими византийскими и средневековыми источниками, Г. З. Байер провел реконструкцию этнической и топографической картины Кавказа и Северного Причерноморья. Из сочинения Константина Багрянородного Г. З. Байер особенно интенсивно использует и комментирует 42-ю главу «Землеописания от Фессалоники до реки Дунай и крепости Белеград, до Турции и Пачинакии, до хазарской крепости Саркел, до России и до Некропил, находящихся на море Понт, близ реки Днепр, до Херсона вместе с Боспором, в которых находятся крепости по имени Таматарха, к сему — и до Зихии, Папагии, Касахии, Алании и Авагии — вплоть до крепости Сотриуполь». Г. З. Байер ведет разбор сведений Константина

от места проживания лазов на северо-запад. При этом он привлекает и данные античных авторов — Арриана, Плиния Старшего, безымянные византийские источники и Прокопия Кесарийского для определения границ проживания лазов (Колхида и до р. Фасис),²⁶ критически отнесся к идентификации поэта Иоанна Цеця (колхи, лазы — это индоскифы).²⁷

Для объяснения названий Г. З. Байер активно прибегает к филологическому анализу терминов на основании прежде всего тюркских языков. Однако некоторые сделанные им выводы не подтвердились. Так, название крепости Таматарха Г. З. Байер выводит от тюркских слов «таман», «терк», «туман» — обозначение любого города на озере или болоте.²⁸ Сейчас происхождение слова признано неясным и первоначальная форма определяется как *ta matarxa*.²⁹

В своей работе Г. З. Байер приводит очень точные латинские, а В. Н. Татищев — русские переводы отдельных мест из Константина Багрянородного, например об аланах и узах. Сам тип перевода, несомненно, «немецкий», т. е. буквальный подстрочник, без всяких попыток сохранить и передать читателю стиль древнего автора. В данном случае В. Н. Татищев добавляет (примеч. 19), что ему неизвестны упоминания в русских источниках об узах. Однако, будучи хорошо знакомым с данными топонимии соответствующего региона, он приводит сохранившиеся между Волгой и Янком гидронимы «Узени».³⁰

Следует отметить плодотворную попытку Г. З. Байера идентифицировать названные Константином Багрянородным реки Сингул, Ивил, Алматы, Куфис, Богу. Богу Г. З. Байер соотносит с Бугом. В подтверждение этого Г. З. Байер приводит его название у других авторов: Богосола «у поляков», Вагосола — у Иордана, Богосола — у Равенны, Гипанис — у древних. Последнее сведение ошибочное, но Г. З. Байер на него и не обращает особого внимания. Куфис (совр. Кубань) — Г. З. Байер ссылается на Г. Делиля, это — «Гипацир» (Гипанис) и «Герг» Геродота. Чтобы точнее определить р. Куфис, Г. З. Байер приводит соответствующее место из Феофана. По Феофану, в Азовское море (Меотис) впадает Волга, а в нее Дон. От места их слияния р. Куфис течет в Черное море возле залива Некропилы (западное побережье Перекопа). Г. З. Байер делает критический анализ этого сообщения и выдвигает предположение, что речь идет о двух Куфисах. Один Куфис — это река, которую имеет в виду Константин Багрянородный, и она действительно впадает в залив Некропилы. Феофан же, по Г. З. Байеру, спутал две разные реки. Одна из них, Кубань-Куфа, действительно течет ближе к Дону — это тот

²³ Commentarii Academiæ scientiarum imperialis Petropolitanae, Petropoli, 1744. T. IX. Geographia russiæ vicinarumque regionum circiter A. D. DCCCCXLVIII. Ex Constantino Porphyrogeneta. P. 368—422.

²⁴ Татищев В. Н. История Российская. Ч. I. С. 184—208.

²⁵ Вилк С. И. Исторический источник в русской историографии XVIII в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934, № 7—8. С. 33.

²⁶ Татищев В. Н. История Российская. Ч. I. С. 185.

²⁷ Там же. С. 185—186.

²⁸ Там же. С. 188.

²⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст. Перевод. Комментарии / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991. С. 401.

³⁰ Татищев В. Н. История Российская. Ч. I. С. 203—204.

самый Куфис, о котором говорит и патриарх Никифор.³¹ Современные историки приводят те же данные, что и Г. З. Байер, и почти дословно повторяют его комментарии.³²

Однако В. Н. Татищев не просто переписал соответствующую работу немецкого историка, а подошел к ней критически, часто перепроверяя сведения Константина и рассуждения самого Г. З. Байера. Так, у В. Н. Татищева вызвало возражение мнение немецкого ученого о казачестве. Касахия (место расселения касогов³³), по определению Г. З. Байера, — ближайшая к Понту степная область, где жили древние «казаки», предки казаков XVIII в. Подобное утверждение Г. З. Байера В. Н. Татищев (примеч. 13) полностью отвергает как курьезное.³⁴

Г. З. Байер часто вносил свои коррективы в текст Константина Багрянородного, с которыми не всегда соглашается В. Н. Татищев. Так, Г. З. Байер, несколько увеличив венгерский ареал, распространил его за Волгу и поселил, исправив Константина Багрянородного, узов несколько выше — между Доном, Волгой, Уралом. За предками венгров мазарами, севернее, он поселил мордву. Такое расположение по соседству с мазарами мордовских племен В. Н. Татищев (примеч. 22) оспаривает и на основании древнерусских источников более точно помещает между ними волжских болгар.³⁵

Сообщения византийских авторов и историко-филологический анализ Г. З. Байера В. Н. Татищев постоянно дополняет древнерусскими источниками, и в первую очередь «Повестью временных лет» (ПВЛ). Так, прародину болгар Г. З. Байер с помощью Феофана определяет севернее Азовского моря и далее к Волге. В. Н. Татищев добавляет, что обитание болгар в районе Волги полностью согласуется с сообщениями летописца Нестора (примеч. 30).³⁶ Перевод Константина Багрянородного «Саркел» как «Белый дом» Г. З. Байер подкрепляет ссылкой на Леонтия Византийца и семантику турецкого языка,³⁷ а В. Н. Татищев — упоминаниями в древнерусских источниках.³⁸ Сведения Константина Багрянородного о требованиях росами от Византии денег Г. З. Байер и В. Н. Татищев (примеч. 46) перепроверяют русскими источниками.³⁹ Для подтверждения правильности названия города Дристр (Доростол) немецкий ученый приводит свидетельство Анны Комниной из «Александы», Кедрина, Зонары, а В. Н. Татищев дополняет сведениями

Нестора (примеч. 48).⁴⁰ В комментариях к данным Константина Багрянородного о русских городах В. Н. Татищев правильно отождествляет город Витезевий, не идентифицированный ранее, с Витичевым у Нестора (примеч. 52). Другие города В. Н. Татищев легко идентифицировал по русским источникам: Милинск — Смоленск, Телиуца — Любечь, Чернигога — Чернигов, Вусеград — Вышгород.⁴¹

И Г. З. Байер, и В. Н. Татищев стараются использовать весь комплекс известных им источников. Так, византийские авторы Константин Багрянородный, Леонтий Византийский, Кедрин, Симеон Логофет, Лев Грамматик используются Г. З. Байером вместе со средневековыми европейскими — Лиутпрандом, Эггардом Урагским, французским монахом Альбериком,⁴² а также с русскими и польскими источниками.⁴³ А сведения Константина Багрянородного о Киеве Г. З. Байер дает в составе целого корпуса сообщений других средневековых источников: Титмара Мерзебургского, Адама Бременского, Насира Эддина, Улугбека Гурагона, Эггарда Урагского.⁴⁴

Иногда Г. З. Байер делал неверные исправления текста византийского источника. При описании печенежских земель от Днепра до Дуная Г. З. Байер идентифицирует р. Аспрос с р. Алпион у Гвидо Равенны. У Константина Багрянородного, предполагает Г. З. Байер, — ошибка в написании названия этой реки, однако подобная конъектура сейчас не принимается.⁴⁵ И эти ошибки, принятые В. Н. Татищевым, также вошли в русскую историографию.

Г. З. Байер точно следует тексту Константина Багрянородного, никаких существенных искажений фактов и названий нами не выявлено. В отдельных случаях, когда имеются отличия от ныне принятого варианта текста, это объясняется использованием Г. З. Байером издания со списка с подобным написанием, что отражено в современных публикациях «Об управлении империей».⁴⁶

В. Н. Татищев сократил эту работу Г. З. Байера. Он убрал пространные цитаты и названия на греческом языке, арабские наименования, рассуждения Г. З. Байера, мало относящиеся или вообще не относящиеся к предмету изучения, например его рассуждения о природе ошибок как свойстве человеческой природы, комплименты и чувства Г. З. Байера к его коллегам и т. п.⁴⁷ Со-

³¹ Там же.

³² Там же. С. 207.

³³ Альберик был послушником монастыря «Три источника» (Albericus monachus Trium Fontium), оставил «Хронику», изданную Лейбницем в «Accessiones historicae» (Hannoverae, 1700). Г. З. Байер приводит сведения из его рассказа о путешествии четырех монахов-доминиканцев на Волгу.

³⁴ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1. С. 196.

³⁵ Там же. С. 198—199.

³⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 328.

³⁷ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio; Константин Багрянородный. Об управлении империей.

³⁸ Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. Petropoli, 1744. Т. IX. Р. 368.

³¹ Там же. С. 189—190. См.: Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. trans. by R. H. Jenkins. Washington, 1967. 37. 8—14; Theoph. Chron. P. 356.27; 357.9, 434.11; Nic. Patr. Epist. Col. Kofin.

³² Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 403.

³³ Там же. С. 401.

³⁴ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1. С. 189, 203.

³⁵ Там же. С. 204.

³⁶ Там же. С. 191, 205.

³⁷ Там же. С. 195; Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. P. 42.

³⁸ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1. С. 205.

³⁹ Там же. С. 197, 206.

кращения В. Н. Татищева вполне корректны и преимущественно улучшают байеровский текст.

Рационализм и историческая критика присущи В. Н. Татищеву и при использовании византийских источников в других местах «Истории Российской».

Так, известная поездка Ольги в Константинополь, ее крещение и сватовство Константина VII подверглись тщательному анализу В. Н. Татищева с привлечением греческих и русских источников. В. Н. Татищев датирует поездку Ольги 955 годом и группирует источники по общей для них фактологии. К одной группе он отнес ПВЛ, Кедрина, Курополата, Зонару, сообщавших о крещении Ольги при императоре Константине VII и патриархе Феофилакте. К другой — «Пролог», «Кормчую» и «Степенную книгу», где то же событие связывается с императором Иоанном Цимисхием и патриархом Фотием. Последнее сообщение В. Н. Татищев отвергает как явно ошибочное (Фотий жил почти на сто лет раньше Цимисхия), а рассказ о сватовстве Константина считает красивой легендой, так как, по подсчетам В. Н. Татищева, Ольге в то время было от 61 до 67 лет.⁴⁸

В. Н. Татищев не отказывался от принципов рационализма, даже когда сведения и русских, и византийских источников совпадали. В 941 г. князь Игорь совершает окончившийся неудачей поход на греков, так как последние не выполняли условий договора 912 г. В 944 г. последовал второй поход, завершившийся подписанием нового, менее выгодного для Руси договора. Его полный текст по ПВЛ В. Н. Татищев помещает в соответствующей главе своего труда. Он приводит сведения византийских источников — Кедрина, Зонары, Льва Грамматика — об этих событиях, критически их анализирует. В. Н. Татищев отвергает численность русских кораблей 10 или 15 тыс. как явную несоразницу (на каждом корабле было не менее 50 человек, и общая численность воинов составляла бы 500 или 750 тыс.). Подобные цифры он объясняет страхом греков и некритическим восприятием их сведений Нестором.⁴⁹

Из-за незнания русского языка и политических пристрастий комплексный подход к источникам и филологический анализ не всегда позволяли Г. З. Байеру сделать верные выводы. Часто В. Н. Татищев с помощью русских источников объясняет правдивее и проще некоторые события и явления. В качестве примера можно привести исследование Г. З. Байером имени русских князей. В первую очередь он привлекает Константина Багрянородного, затем западноевропейских средневековых авторов: Лuitпранда Кремонского, Сигиберта Гемблаценского, Эггарда Урагского, Саксона Грамматика, Снорри Стурлусона. После этого Г. З. Байер опять возвращается к византийским источникам и приводит греческие варианты имени «Игорь» по

данным Льва Грамматика, Георгия Мниха, Симеона Логофета, Михаила Глики, Зонары, Кедрина. На основании Константина Багрянородного, Кедрина, Зонары, Иоанна Скилицы Г. З. Байер утверждает, что имя «Святослав» является не славянским, как может показаться на первый взгляд, а скандинавским (Сфендослав, Свендсфлаум, Свендославум). То же, но с меньшей убедительностью Г. З. Байер пытается проделать и с именем «Владимир». Здесь он использует только лишь Кедрина, чья передача имени «Владимир» его не удовлетворяла, поскольку была очень близка к славянскому произношению. При выявлении первоначальной формы имени Г. З. Байер тенденциозно теперь отдает предпочтение Эггарду Урагскому, Титмару Мерзебургскому, Снорри Стурлусону.⁵⁰ Натяжка и конъюнктура подобных построений была уже очевидна его современникам. В. Н. Татищев, соглашаясь со скандинавским происхождением имени «Игорь», полностью отвергает искусственное включение в этот круг имен «Святослав» и «Владимир», вполне разумно отдавая предпочтение произношению самих славян.⁵¹

Отметим, что византийские источники оказались необходимыми В. Н. Татищеву для критической оценки фактов, приводимых западными историками, например итальянским историком Александром Гваньини в его «Хронике».⁵² В. Н. Татищев показал с помощью Константина Багрянородного географическую путаницу, существующую в работе А. Гваньини, связанную с идентификацией города Саркел (А. Гваньини указал его местоположение у Днестра и добавил рассказ о драконе-людоеде, что вызвало у В. Н. Татищева особый сарказм).⁵³

Византийские источники В. Н. Татищев использовал и для подтверждения некоторых своих ошибочных выводов и положений. Интерпретируя «Войну с готами» Прокопия Кесарийского, он утверждает, что гунны были славянским народом.⁵⁴ Легендарные сведения о христианской миссии у славян ап. Андрея В. Н. Татищев старался подтвердить с помощью Евсевия Кесарийского, Григория Назианзина, Никифора Ксанфопула, Августина, Дорофея Тирского и нарисовать более правдоподобную картину деятельности ап. Андрея.⁵⁵

Всего В. Н. Татищев использовал 36 византийских источников. Наибольшее внимание он уделил Константину Багрянородному (свыше 100 ссылок), затем идут Зонара и Кедрин (около 30 ссылок на каждого), Прокопий Кесарийский (12 ссылок). Остальные источники привлекались менее 10 раз каждый, а некоторые (Иоанин Киннам, Козьма Индиконлов, Михаил Глика, Георгий Пахимер, Никифор Врисний, Ямвлих) всего единожды. Подобное обращение и предпочтение византийских авторов объ-

⁴⁸ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1. С. 295—296.

⁴⁹ Там же. С. 308.

⁵⁰ Gwagnini A. Kronika Sarmacyu Europeyckiej. Kraków, 1611.

⁵¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1. С. 254.

⁵² Там же. С. 279.

⁵³ Там же. С. 499.

⁴⁸ Там же. С. 223.

⁴⁹ Там же. С. 218.

ясняется тематическим интересом В. Н. Татищева, его интересом к русской истории. В связи с этим из всех проблем византиноведения на первое место в России в самом начале научного исследования выходит привлечение византийских авторов как источника по истории Руси, славян и смежных с ними народов и истории русско-византийских отношений. Перечислим основные проблемы, связанные с византийской историей, в работе В. Н. Татищева: хронология и датировка событий византийско-русских отношений, древняя топография и идентификация древних географических пунктов с современными, датировка и язык византийско-русских договоров, крещение болгар и росов, датировка и характер поездки Ольги, кирилло-мефодиевский вопрос и зарождение славянской письменности, хронология и фактологическая последовательность походов русов на Византию в IX—X вв., имена русских князей по византийским источникам, церковные, культурные и дипломатические связи Руси и Византии после принятия христианства, влияние Византии на Русь в самом широком отношении.

В. Н. Татищев первый широко привлек византийские источники для изучения истории народов Российской империи и их соседей, древнерусские источники для проверки, уточнения и дополнения византийских. Отдельные эпизодические попытки такого рода использования богатейших русских источников делались польскими историками и Г. З. Байером. Но из-за незнания русского языка Г. З. Байер использовал лишь в очень незначительной степени огромный корпус древнерусских источников. В силу языковой ограниченности и довольно случайной подборки древнерусских источников подобные опыты не идут ни в какое сравнение с работой В. Н. Татищева. Настоящий ввод в научный оборот византийских, для истории Руси, и русских, по истории Византии, источников является заслугой именно В. Н. Татищева. К тому же прямое включение в текст «Истории Российской» исследований Г. З. Байера, которые находились на вполне современном научном уровне, обогатило русскую науку источниковедческими приемами того времени и позволило с помощью русских источников, знания русского языка, местных топонимов, русской географии и истории по-новому взглянуть и на сведения византийских авторов. На примере привлечения и использования В. Н. Татищевым византийских источников можно согласиться с М. А. Алпатовым, что русский ученый был первым, «кто в исследовательском плане пытался выйти за пределы русских источников и рассматривал древнейший период русской истории в связи с историей тогдашних народов».⁵⁶

L'HISTOIRE DE BYZANCE ET LES SOURCES BYZANTINES DANS «L'HISTOIRE RUSSE» DE N. V. TATITCHEV

N. V. Tatitchev (1686—1750) a été le premier historien en Russie qui s'est intéressé l'histoire de la Byzance. Son étude de l'histoire byzantine s'est appuyée sur son analyse de l'histoire de la Russie. N. V. Tatitchev a consulté les écrits des auteurs byzantins (environ 35). Il a consacré une attention particulière à Constantin Porphyrogénète et puis à Zonara, Cedrin Jordan, Procope de Césarée. N. V. Tatitchev a étudié les liens russo-byzantins en particulier à travers la chronologie, les dates, l'identification géographique et la topographie, la langue des traités russo-byzantins, le baptême des russes.

⁵⁶ Алпатов М. А. Русская историческая мысль... С. 409.